

Н. А. ЦАРЕВА

**Русский
символизм
и постмодернизм:
проблемы связи
и преемственности**

Русский символизм является одним из ярчайших направлений модернизма, возможно, поэтому

не случаен всплеск интереса к символизму как направлению в русской культуре в последние два десятилетия. В научных работах по этой теме выделяется тенденция осмысления символизма в общеевропейском контексте (В. Бычков, А. Самохвалова)¹.

Нам также представляется интересным проанализировать связь русского символизма и постмодернизма. Это связано с отно-

шением к постмодернизму, которое в современной философии весьма не однозначно. В многоголосье

мнений можно выделить три основные позиции: 1) откровенно негативное отношение, 2) постмодернизм рассматривается как переход к чему-то принципиально иному, 3) существует оценка постмодернизма как продолжения модернизма, как следующей стадии его развития. Если проследить связь символизма с постмодернизмом, то появились бы весомые основания для обоснования

последней точки зрения. Кроме того, необходимость определения точек соприкосновения русского символизма и постмодернизма важна не только для объективной оценки итогов века, но и возможного проецирования путей развития русской и европейской культуры.

О генетической преемственности постмодернизма по отношению к символизму можно говорить на основании следующих положений. Во-первых, символизм и постмодернизм — явления переходного периода с характерными для него чертами, проявляющимися не только в новых формах восприятия и отражения действительности, но и в понимании сущности и назначения искусства. Символизм и постмодернизм по-своему показали кризис сознания современного человека и общий кризис культуры. Ощущение общего строя жизни, «как будто бы почва поплыла под ногами»², по словам Вяч. Иванова, определяет в целом и настроение современной эпохи, которое Ж. Бодрийяр характеризует как «состояние после оргии»³.

Во-вторых, символизм и постмодернизм объединяет неприятие действительности. Периоды социально-политических катаклизмов рубежей XIX–XX и XX–XXI веков близки потрясенным состоянием духа, разочарованием в традиционных ценностях, поиском ответов на основные вопросы бытия. Философское осмысление дисгармонии мира А. Белый выразил в понятии «хаоса», обступившем человека и человечество⁴. В постмодернистской онтологии реальность сложна, неопределенна, изменчива и по своей сути не может подчиниться человеку. Мир воспринимается постмодернистами как хаос, в котором отсутствуют критерии ценностной и какой-либо смысловой ориентации. Действительное, с точки зрения постмодернистов, больше не отличается от вымышленного. Все, с чем мы имеем дело, является иллюзией. Для постмодернистской философии характерен всеобщий нигилизм, выражающийся в концепциях децентрации, деонтологизации, деконструкции, десубъективации и т. д., которые возникают вследствие виде-

ния истории и мира как хаоса, лишённого какой-либо цели. Переживание глобального перелома в культурно-цивилизационных процессах, обусловленного научно-техническим прогрессом, стало основанием возникновения символизма и постмодернизма, возникшим как реакция на строгие положения позитивизма, его суженое сознание, редуцированное мышление.

Научное мировоззрение, опирающееся на систему точных наук, не способно, считает Белый, решить проблем современной действительности. «Развитие любой науки ведет к централизации ее в определенном методе; принципы метода образуют частную логику любой науки; язык этой логики таков, что он способен истолковать все явления действительности на языке частной науки; но частных наук много; истолкований действительности столько же, сколько методов. Научное мировоззрение в сущности есть мировоззрение, в котором мир истолкован специальным образом»⁵. По существу Белый выступал против логоцентризма, отстаивая необходимость иных методов познания и объяснения мира.

Постмодернизм отвергает принцип центрации в природе, социуме, психологии, расе, возрасте и т. д., объявляя, по словам Ж.-Ф. Лиотара, «войну целому»: «Наш ответ: объявим войну тотальности, станем свидетелями того, что не может быть презентовано; дадим простор различиям и спасем честь имени»⁶.

В-третьих, для символизма и постмодернизма характерно критическое переосмысление традиционного искусства. Имея общие культурно-исторические корни и аналогичную кризисную атмосферу эпохи, в которой они появлялись, символизм и постмодернизм являются неклассическими направлениями философии, литературы, искусства. Представители этих философских направлений отказываются от основной категории эстетики, сформулированной еще в античности, от мимесиса — реалистического изображения видимой действительности.

Ощущая кризисную атмосферу XX века, символисты пришли к убеждению, что классическое искусство с его «гармонией формы» должно уступить место «вторжению бездн». По словам Белого: «Задача нового искусства не в гармонии форм, а в наглядном уяснении глубин духа, вследствие чего оно кричит... разбита безукоризненная окаменелая маска классического искусства. По линиям разлома выползают отовсюду глубинные содержания, насыщают образы, ломают их...»⁷.

Специфика постмодернистской эстетики во многом связана с неклассической трактовкой классических традиций. Несмотря на то, что все философы-постмодернисты отлично знакомы с историей философии, классической литературой, они дистанцируются от классической эстетики. Но отношение постмодернизма к классике может показаться негативным только на первый взгляд. На самом деле, постмодернизм обращается к уже созданному, интерпретируя его своеобразным образом, иногда это выглядит как ирония и игра с ним. По мнению У. Эко, идеальный писатель постмодернизма не должен копировать и не должен отвергать наследие предыдущих культур: «... прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте»⁸.

Как символизм, так и постмодернизм ориентировались не на отрицание, а на пересмотр традиционного искусства. Более чем сто лет назад

А. Белый высказал идею о создании нового отношения к действительности, которое усматривал в пересмотре забытых мирозерцаний: «... осветить противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур <...> Мы действительно осязаем что-то новое; но осязаем его в старом; в подавляющем обилии старого — новизна так называемого символизма»⁹.

В-четвертых, являясь своеобразной реакцией на научно-технический прогресс, символизм и постмодернизм занимают одну позицию в отношении духовности. Для русского символизма с его приоритетом духовных ценностей, основой будущего общества

представлялась культура как синтез философии, религии, искусства. Для постмодернизма также важно сохранить духовность как гарант существования культуры, все больше подчиняющейся бездуховной цивилизации. Хотя постмодернизм проявляет стремление к духовности в своеобразной форме: это и борьба с властью языка у Р. Барта, и шизоанализ Ж. Делеза, и противостояние симулякрам Ж. Бодрийера и т. д.

В-пятых, символизм и постмодернизм стремится синтезировать различные виды культуры. Для символизма проблема синтеза искусств имела принципиальное значение и была связана с идеей мистерии в творчестве А. Белого, Вяч. Иванова, А. Блока. Символисты мечтали о будущем массовом искусстве, творимом народом, о творении не только искусства, но и жизни. Идея символизма о соединении всех видов знаний нашла воплощение в творчестве постмодернистов. Стирание границ между различными видами искусства в целях синтеза лингвистики, философии, литературы в постмодернизме обусловлено стремлением к созданию принципиально нового во всем: в формах, приемах и средствах художественного выражения. Символистская идея полифонии культур, мифов, языков получила развитие в постмодернизме, который рассматривает литературу как новую топографию мира.

В-шестых, представители символизма и постмодернизма ощущали себя творцами нового искусства, способного противостоять кризису традиционной культуры и наступлению власти цивилизации. Для создания нового необходимо отказаться от многих художественно-эстетических ценностей культуры, что особенно выражалось на своеобразном использовании элементов художественных языков и изобразительно-выразительных приемов искусств. Эксперименты с формами языка и элементами структуры произведения характерны для нового искусства.

В-седьмых, иррационализм, возникший как направление в искусстве на рубеже XIX–XX веков, стал основным принципом худо-

жественного мышления и спецификой художественного языка в символизме и постмодернизме, обращаясь к проблемам бессознательного. Внимание символизма к психологическим основам творчества и отрицание рационализма в культуре выразилось, по словам Н. А. Бердяева, в том, что «неоромантики, декаденты, символисты, мистики восстали <...> против всякого обращения к универсальному целому; они интересуются исключительно субъективным и индивидуальным»¹⁰.

В символизме была сформулирована одна из основных мифологем XX столетия — сущностный антиномизм двух начал человека: аполлоновского и дионисийского. То, что у Дм. Мережковского определяло дуальную сущность человека как постоянную борьбу добра и зла, у Ж. Лакана выведено в структуралистской парадигме на уровень интересубъективности.

В-седьмых, особое отношение к языку, с помощью которого можно по-новому объяснить мир и человека. Символисты искали скрытый смысл в символе, постмодернисты — в языке. По утверждению символистов, истинная сущность человеческого сознания проявляется в словах, символах, интерпретация которых открывает истину. Вяч. Иванов пророчески угадал характерные черты современной философии, ее поворот к языку как возможности по-новому объяснить мир и человека. Он справедливо полагал, что первые шаги в этом направлении принадлежат символизму.

Идея проявления бессознательного посредством языка является базовой для представителей неофрейдизма. Ж. Лакан утверждает, что бессознательное структурировано как язык. Психоанализ в постмодернизме оказывается очень близким герменевтике в символизме. В обоих случаях речь идет об искусстве понимания и толкования текстов. Идея о том, что истинная сущность сознания человека покоится под покровом слов, которые он говорит, в разной форме высказана представителями символизма и постмодернизма.

В-восьмых, неприятие и отрицание предполагает обращенность к новому, способному стать лучшей заменой устаревшего существующего. Ориентация на постоянное обновление, приоритет современного относительно традиционного является характерной чертой модернизма и постмодернизма. Обращение постмодернизма к сложнейшим вопросам, порожденным кризисными явлениями в современной культуре, является попыткой создать новое мышление, противоположное традиционному. В самых общих чертах русский символизм ставил те же задачи.

Символизм был не просто искусством переходного периода от одного века к другому, а свидетельством начала перехода человечества на новый уровень сознания. Виднейших теоретиков символизма объединяла идея символизма как начала совершенного обновления всех сфер действительности. По словам Брюсова, символисты — «провозвестники нового — везде: в искусстве, в науке, в морали»¹¹. Символизм философски осмысливался его теоретиками не как художественное направление, но как парадигма будущего культурного развития. Современный постмодернизм, также как символизм, в своем желании нового мира является направлением первооткрывателей иных аспектов истины, раскрытия новых сфер человеческого сознания, ступенью искусства новой эпохи, которая не исчерпывается, возможно, даже столетием.

В-девярых, провозглашенное символизмом тождество поэтической и философской рефлексии стало одной из основных парадигм XX века. Вся русская философия была тесно связана с художественным словом. Об этой особенности писал А. Блок: «На Западе никто бы не стал строить философских теорий на лирических основаниях, и писатель-публицист никогда не стал бы писать лирических драм. А в России все — не так»¹².

Русские символисты впервые сказали о естественной близости литературы и философии, литературы и языка, литературы и науки. В XX веке постмодернизм закрепляет эту идею, активно используя для фило-

софского и научного анализа художественный способ мышления, которое либо оформляется как художественное произведение, «нарратив», либо для доказательства используется материал художественной литературы. Кроме того, языковая проблема, как одна из основных в философии постмодернизма, обусловила обращение к литературе и ее специфическим художественным средствам и многозначным понятиям, поскольку языковое сознание трактуется как способность описать свои ощущения и опыт в виде художественного текста. Не случайно манеру письма в постмодернизме называют «метафорической эссеистикой».

Кроме этих черт сходства, общим для символизма и постмодернизма является ироничекий настрой по отношению к действительности. Ф. Рабле говорил, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Ощущение законченности определенного этапа, эпохи выражается в юморе и иронии, которыми пронизано отношение к существующему миру у символистов и постмодернистов. А. Блок называл иронию «болезнью» своего поколения, страдающего от «позитивизма и экономического материализма»¹³. Ирония в контексте постмодернистского сознания становится господствующим приемом восприятия и отражения реальности. Как проявление субъективности, ирония, по мнению Р. Рорти, помогает индивиду противостоять действительности. «Любой ироник» рассчитывает на то, что последний из его конечных словарей принадлежит только ему»¹⁴.

Таким образом, можно говорить об определенной связи российской и европейской традиций. Постмодернизм, сформировавшийся в 70-е годы XX века, вобрал в себя многие основные положения символизма, что указывает на отсутствие четких границ между ними. С этой точки зрения, постмодернизм является переходным типом культуры, возникшим на модернистской основе и опирающимся на ее язык и понятия.

Сравнительный анализ основных положений символизма и постмодернизма показывает единство культурного пространства

России и Европы. Символизм и постмодернизм, заявляющие о создании иного типа мышления человека, — это этапы на одном пути развития человечества. Смена исторических типов мироотношения происходит как смена метафизических и общекультурных парадигм эпохи, ее менталитета, структуры сознания, способов мышления и восприятия. Символизм и постмодернизм связаны «неоклассическим» мировосприятием и мироотношением, которое закрепляется в новой метафизической парадигме, иной картине мира.

В настоящее время возникает пост-постмодернистская философия, на смену постмодернизму приходит неомодернизм, ультрамодернизм, в котором утилитарность сочетается с красотой, возвращается и усиливается авторское начало, провозглашается культ творчества без границ, утверждается многообразие форм. Л. А. Мюррей пишет о «конструктивном постмодернизме», который в отличие от постмодернизма с его релятивистским характером, утверждает позитивные ценности модерности, что является попыткой преодоления разрушительных тенденций постмодернизма. «Конструктивный постмодернизм» рассматривает универсум как динамический, творческий, в котором внутренние и внешние элементы гармонично связаны друг с другом»¹⁵.

В настоящее время в России развивается русский философский постмодернизм в форме археоавангарда. Оставаясь в русле основных тенденций европейского постмодернизма, археоавангард в поисках изменения действительности обращается к традиционным человеческим ценностям. Русский археоавангард исходит из того, что субъективация более фундаментальна, чем любая объективация, а сверхреальное предшествует реальному, заставляя бессмыслицу выступать в качестве неперемного условия рождения смысла. Не предметная среда обуславливает изначальные человеческие действия, а выражение состояния самости. Не практические, а символические действия должны стать первичными.

Для этого необходимо, по мнению российского философа Ф. Гиренка, восстановить тесный союз философии с литературой. Отличием русской литературы всегда была ее связь с философией. Русские писатели философствовали, и русские философы были писатели. В XX веке, считает

Ф. Гиренок, писатели отделились от философии, и литература перестала хранить в себе сознание. На смену писателю пришел скриптор, на смену философу пришел эксперт¹⁶.

Интересно, что эта же мысль была высказана А. Белым столетие назад. Обращаясь к истории философии, он обращал внимание, что на своем начальном этапе развития она имела тесное органическое слияние с жизнью: «... философия возникла как становление, как закрепление какой-то жизни в нас, как стремление»¹⁷. Сегодня рациональность и рассудочность характеризуют философию, оторвавшуюся от жизни и не способную ответить на смысложизненные вопросы. Белый называет современную ему философию «беспутицей», «праздной спекуляцией», не способной что-либо дать человеческим устремлениям. Возвращение философии образного языка необходимо для определения перспектив развития жизни.

Реалии современного исторического и общекультурного процесса в России требуют пристального изучения феномена постмодернизма, существующего уже не одно десятилетие. В настоящее время российская философия все больше подключается к мировому философскому процессу, поэтому важно выявить имеющиеся общие корни, на основе которых и возможен будущий синтез. Все это приводит нас к выводу о необходимости изучения феномена постмодернизма в сравнении с русским символизмом.

¹ Бычков В., Бычкова Л. XX век: предельные метаморфозы культуры. // Полигнозис. 2000. №2. С. 63–76; №3. С. 67–85; Самохвалова В. И. Вяч. Иванов и идея неприятия мира. // Вяч. Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 338.

² Иванов Вяч. О кризисе гуманизма. // Родное и вселенское. М., 1974. С. 103.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 7.

⁴ Белый А. Как я стал символистом. // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 250.

⁵ Белый А. Эмблематика смысла. // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 26.

⁶ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 12.

⁷ Белый А. Как я стал символистом. // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 247.

⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». // Эко У. Имя Розы. СПб., 1999. С. 229.

⁹ Белый А. Эмблематика смысла. // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 26.

¹⁰ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 126

¹¹ Иванов Вяч. О кризисе гуманизма. // Родное и вселенское. М., 1974. С. 103.

¹² Блок А. О драме. // Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Москва-Ленинград,. 1962. С. 168.

¹³ Блок А. Ирония. // Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Москва-Ленинград,. 1962. С. 347.

¹⁴ Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М., 1996. С. 132.

¹⁵ Мюррей Л.А. Постмодернизм и процессуальная мысль. // Горизонты культуры накануне 21 века: Сборник научных работ Тверского гос. ун-та. Тверь. 1997. С. 33.

¹⁶ Гиренок Ф. Русская философия. Интервью с А. Ниловым. — Доступно из URL: www.htm.lib_info [Дата обращения 7.08.2006 г.]

¹⁷ Белый А. Философия культуры // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 312.